

«ПО СНЕГУ РУССКОМУ, ДОМОЙ»

Лит. Россия. — 1994. — 4 нояб. — с. 11.
К 100-летию со дня рождения Георгия Иванова

В СЕГО лишь несколько лет назад российский читатель смог открыть для себя имя «первого поэта русской эмиграции», автора замечательных романов, рассказов и воспоминаний Георгия Владимировича Иванова (10.11.1894 — 26.08.1958). По силе своего дарования этот удивительный мастер стоит в одном ряду с лучшими поэтами XX века. Современник Блока и Есенина, Гумилева и Ахматовой, Иванов сумел соединить в своем творчестве классическую пушкинскую литературную традицию с художественными исканиями нового времени.

Александр Блок в 1919 году, отзываясь на один из ранних сборников поэта, отметил высокое мастерство и в то же время некоторую холодность и отстраненность его стихов, чреватую отрывом от реальной жизни и той «суровой правды земли», которая является единственно прочным основанием для настоящего поэтического творчества. Блок пожелал молодому стихотворцу «большого, хорошего горя», столь необходимого для формирования писательской личности и судьбы. Здесь уместно вспомнить давно уже ставшие хрестоматийными слова Достоевского о том, что для того, чтобы хорошо писать, надо страдать. Как показало время, пожелание Блока не осталось неисслышанным.

Георгий Иванов, как известно, в числе десятков тысяч соотечественников — белых офицеров, писателей, философов, священников — навсегда покинул Россию. Неизбывная боль утраты, тоска по Родине наложили свой неизгладимый отпечаток на все последующее творчество поэта, придали ему то особое трагичное звучание, ту проникновенность и глубину, которые берут за живое и душу и сердце:
*Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были — только я забыл.*

*Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть, и были, да забыл, увы.*

*Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.*

*Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречу, я его пойму.*

*Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.*

Как и многие другие писатели эмиграции, тяжело переживая удел изгнания, Георгий Иванов сумел сохранить в своем сердце Россию, ее неповторимые черты, сумел сберечь заветы великой русской литературы, призывавшей, несмотря ни на что, искать правду о человеке и о мире, в котором

он живет, какой бы горькой и даже страшной она подчас ни была. Именно эта горькая правда оторванного от своей Родины изгнанника, столь мучительно переживающего этот трагический отрыв, звучит в стихах Георгия Иванова. Пересказывать эти стихи нет смысла. Да это и невозможно. В них надо вчитываться. В них — боль и отчаяние, надежда и тревога:

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.*

*— В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.*

Современники сравнивали Георгия Иванова с Афанасием Фетом, считая, что он перенял у последнего многие формальные приемы поэтического ремесла. Может быть, это и так — не станем спорить. Но то, что Иванов является оригинальнейшим и самобытнейшим поэтом XX века, бесспорно. В этом вновь и вновь убеждаешься, читая его колдовские стихи:

*Распыленный мильоном
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем —
в потерянном мире.*

*И опять, в романтическом Летнем саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.*

Вместе с Георгием Ивановым в эмиграции творили такие прекрасные мастера русского поэтического слова, как Иван Бунин и Владислав Ходасевич, Борис Поплавский и Николай Оцуп, Марина Цветаева и Игорь Северянин... Но в стихах Георгия Иванова наиболее ярко отразилось и то чувство одиночества, которое не покидало всех русских поэтов-эмигрантов.

«Тусклоющий вечерний час, река и частокол в тумане. Что связывает нас, всех нас? — Взаимное непониманье».

Это же «взаимное непониманье», по мнению поэта, мешало многим осмыслить и понять все то, что случилось с Россией. Он писал: «И столько лет спустя мы спорим, кто виноват и почему. Так в страшный час над Черным морем Россия рухнула во тьму». Сам Георгий Владимирович усматривал причину разразившейся трагедии в легкомысленности вождей февраля и все тех, кто пошел за их красивыми, но обманчивыми призывами: «В слу-

Гравюра Н. КАЛИТЫ

чившейся катастрофе, как истинный сын своего Отечества, он находил и свою вину: «Все мы герои и все мы изменники. Всем одинаково верим словам...».

Сомневаясь в возможности восстановления в России монархии, еще меньше верил он в осуществление в нашей стране тех идеалов «демократии» и «свободы», которые провозгласили идеологи февральского переворота. Людей, верящих во все это, Георгий Иванов называл глупцами: «Мнитися им, — писал он в одном из своих стихотворений, — из пустоты вселенской. Заново и сладко на душе. Выгарцует эдакий Керенский на кобыле из папье-маше. Чтобы снова голыи бараны ожидали бы наверняка в новом Учредительном Собрании плети нового Железняка».

Чувство отчаяния и одиночества, собственное всей эмигрантской литературе, подчас было столь невыносимым, что поэт в иные минуты, казалось, готов был отказаться от всего самого дорого, даже от своего поэтического дара, неспособного, как порой начинало представляться ему, не только преобразить, но хотя бы чуть-чуть облагородить этот мир: «Музыка мне больше не нужна. Музыка мне больше не слышна!» — восклицал он в одном из своих стихов. В такие минуты все вдруг начинало казаться бессмысленным и обманчивым:

*Россия — счастье. Россия — свет.
А, может быть, России вовсе нет.*

*И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал.*

*И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...*

*Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.*

*Снега, снега, снега.. А ночь темна,
И никогда не кончится она.*

*Россия — тишина. Россия — прах.
А может быть, Россия — только страх.*

*Вережка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.*

*Вережка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.*

Но тайна искусства как раз и заключается в том, что, даже говоря об отчаянии, изображая его и словно покаяясь ему, оно, то есть искусство, в то же время каким-то непостижимым образом преодолевает это же самое отчаяние, самым фактом своего существования дарит свет и надежду. В полной мере это относится и к стихам Георгия Иванова. Несмотря на всю свою подчас трагическую безысходность, они, как и стихи Есенина и многих других лучших поэтов, заключают в себе некое неразрушимое, гармоничное и прекрасное начало, целительным образом воздействующее на всякого, кто имел счастье соприкоснуться с ним. «Болящий дух врачует песнопенье» — эти слова Боратынского в полной мере применимы к поэтическому наследию Георгия Иванова...

Далеко не каждому художнику дается в конце жизненного пути обрести всеразрешающее, последнее примирение с миром и с самим собой. Было ли дано оно Георгию Иванову? Видимо, да. Об этом свидетельствуют его поздние стихи, составившие «Посмертный дневник» поэта. Несмотря на переполняющую их тоску, в них тем не менее звучит надежда на то, что поэтическое слово не исчезнет бесследно, что рано или поздно оно будет услышано, причем услышано не только в узком эмигрантском кругу, но и в России:

*В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась*

с жалобным стуком.

*Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам.*

*Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне.
Воскреснуть. Вернуться в Россию —
стихами.*

Свидетелями этого возвращения сегодня все мы и являемся...

Артур ОРЛОВ